

В. В. Туев

*доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой социально-культурной деятельности
Кемеровский государственный университет культуры и искусств*

КЛУБНЫЕ ДОСУГИ А. С. ПУШКИНА

*Он играл в наши игры...
Д. С. Лихачев об А. С. Пушкине*

Д. С. Лихачев в своих «Заметках о русском», которые он еще назвал «негромкой полемикой», в заметке «Национальный идеал и национальная действительность» писал, что **идеалом** русского человека для Достоевского был Пушкин. Об этом он твердо и ясно заявил в своей знаменитой речи о Пушкине. Для Достоевского русский человек прежде всего “всеевропеец” – человек, для которого родная и близкая вся европейская культура. Следовательно, русский для Достоевского – человек высокого интеллекта, высоких духовных запросов, приемлющий все европейские культуры, всю историю Европы и вовсе внутренне не противоречивый и не такой уж загадочный» [1, с. 35].

Сам Дмитрий Сергеевич в 1938 г. поступил на работу в Институт русской литературы («Пушкинский дом») и с 1954 г. до конца дней своих возглавлял в нем сектор древнерусской литературы. Естественно, работая в «Доме Пушкина», он, как ему было свойственно, глубоко профессионально занимался пушкиноведением. Его перу принадлежит множество статей и специальных работ, посвященных А. С. Пушкину [11]. И во многих из них прослеживается и доказывается его тезис о «всеевропейской русскости» А. С. Пушкина.

В изумительно метафорической своей заметке «Пушкин», вошедшей в его цикл «Русская классическая литература», Д. С. Лихачев отмечает «обыкновенность» Пушкина-человека среди обыденности других людей, он хотел быть «как все», и (вот она метафора!) «он играл в наши игры, чтобы его поэзия приобрела подлинное обаяние возвышенности» [2, с. 387].

«Он играл в наши игры...!»! Это то, что сам Пушкин называл «общежительностью», которую он считал искони присущей российскому народу и которая была органичным свойством лучших представителей российской интеллигенции.

Социокоммуникативная тенденция всегда доминировала в литературной, педагогической, художественно-творческой и досуговой деятельности российских институтов и деятелей культуры. Когда мы говорим о том, что общечеловеческий язык гуманитарной культуры, на котором говорили Пушкин и Шекспир, Бетховен и Чайковский, «не только близок и понятен всем, но, главное, способен объединить человечество... расширить горизонты общения не только внутри страны, но и с остальным миром, мировым сообществом» [3, с. 23], мы при этом должны иметь в виду и реальный социопедагогический вклад живой и животворной культуры прошлого, подвижнической деятельности российских интеллигентов прошлых лет в формирование отечественной культурной среды, в развитие в ней традиций конструктивного общения и согласия.

В этом смысле показателен интерес выдающихся деятелей российской культуры Н. М. Карамзина, А. С. Грибоедова, А. С. Пушкина, И. А. Крылова, Е. А. Баратынского, П. Я. Чаадаева, М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского к клубным формам общения и к самому институту клуба как эффективному средству коммуникативной интеграции людей в досуговом про-

странстве. Примечательно, что почти все вышеназванные деятели российской культуры были, как правило, членами столичных клубов. Многие из них часто посещали клубы и оставили впечатления от клубных встреч в своих дневниковых записях. Наконец, тема клуба и клубного общения органично вплетена в сюжетную ткань их литературных произведений. Конечно, индивидуальное членство в аристократическом клубе было символом чести и престижа для российского дворянина, посещение клуба – модной формой элитарного досуга, занятым способом праздного времяпрепровождения, надежным гарантом доступности таких острых стимулов для мужского общения, как азартные игры, пикантные разговоры, клубные обеды и ужины. Однако, мы полагаем, мотивация интереса к клубу у российских интеллигентов имела и другие аспекты. Как известно, девизом первого российского клуба – Санкт-Петербургского Английского собрания было «Согласие и веселие», и если вторая часть девиза обозначала форму клубного бытия, то первая декларировала и цель, и средство клубного общения, что отмечалось и в уставах столичных клубов. Эта изначальная консолидационная установка, провозглашавшаяся клубами, несомненно, привлекала к ним творческую интеллигенцию. В свою очередь, клубная среда, вбирая в себя лучших представителей российской культуры, прирастала их духовностью и талантом. Это взаимоотяготение друг к другу клубной среды и неординарной личности отмечали многие из тех, кто бывал в клубах или писал о них. Заметим, правда, что реальная атмосфера клубного общения не всегда и не для всех была комфортной и часто не совпадала с потенциальными ожиданиями интеллектуальных клубменов.

Нами была предпринята попытка исследовать социопедагогический, культуроформирующий, средоинтегрирующий аспект деятельности российских клубов в контексте и через призму клубной жизни выдающихся деятелей российской культуры, попутно воспроизводя саму историю их клубной жизни. Это было необходимо сделать, потому что персоналии такого личностного уровня содержат и уникальные материалы по истории клуба, не имеющиеся в собственно клубной документалистике. Это имело смысл сделать и потому, что клубная жизнь российских духовных лидеров представляет самостоятельный научный интерес, а ее сопряжение с культурной жизнью России в целом позволяет получить качественно новые оценки российских клубов XIX века как самобытных социокоммуникативных центров культуры. В то же время выполнить эту задачу было крайне сложно, так как приходилось выискивать и кумулировать разрозненные факты из разнообразных источников, чаще всего не имеющих прямого отношения к клубной проблематике. Многие из результатов этой кумулятивной работы было введено нами в научную литературу впервые.

Наши исследования показали, что сведения клубного характера в интересовавших нас персоналиях скупы и поверхностны, клубные аспекты биографий и творчества великих деятелей российской культуры, как правило, не являлись предметом специальных исследований. Тем не менее, нам удалось найти материалы, свидетельствующие о том, что выдающиеся русские интеллигенты в своем творчестве характеризовали клуб как заметное явление российской культуры и определенным образом реагировали на него.

Как известно, членами Санкт-Петербургского Английского собрания были многие известные русские писатели. В 1870 г. юбиляры выпустили красочное мемориальное издание, названное ими «Столетие Санкт-Петербургского Английского собрания. 1770–1870». В нем авторы издания поместили список всех членов клуба за 100 лет его существования, в котором фамилии первых российских клубменов были размещены построчно и в строгом хронологическо-алфавитном порядке. Мы сделали небольшую выборку из этого длинного списка (по нашим подсчетам – 3 311 фамилий). В выборке – видные литераторы России XIX века (табл. 1).

**Видные литераторы России в юбилейном списке членов СПбАС
(выборка автора)^{2*}**

Номер строки	Год вступления	Фамилия, имя, отчество	Год выбытия
1478	1817	Крылов Иван Андреевич	1844
1510	1818	Гнедич Николай Иванович	1833
1649	1822	Жуковский Василий Андреевич	1827
1680	1823	Греч Николай Иванович	1841
1729	1824	Карамзин Николай Михайлович	1825
2044	1832	Пушкин Александр Сергеевич	1837
2675	1854	Некрасов Николай Алексеевич	

В юбилейном списке членов Санкт-Петербургского Английского собрания на 2044-й строке стоит имя Александра Сергеевича Пушкина. Год вступления в клуб – 1832-й. Год выбытия из клуба – 1837-й [4, с. 111]. А. С. Пушкин был членом трех клубов: кроме Санкт-Петербургского Английского собрания, он состоял также членом Московского Английского клуба и Российского Благородного собрания в Москве.

Подробнее о его членстве в этих клубах и отношении к ним – в наших публикациях «Пушкинская строка в клубной летописи» [5] и «Три клуба Пушкина» [6]. В настоящей статье укажем, что на основании изученных нами архивных документов установлены точные даты вступления А. С. Пушкина в оба московских клуба.

Документальные источники, свидетельствующие о дате вступления А. С. Пушкина в Российское Благородное Собрание и Московский Английский клуб, хранятся в Центральном государственном архиве истории Москвы (ЦГАИМ). Первый из них – «Книга алфавитная для записи членов Российского Благородного собрания – мужчин за 1814–1827 годы» объемом 129 крупноформатных листов [7, л. 83 об.]. В ней на обороте 83-го листа, на самой последней строке, запись: «Пушкин Александр Сергеевич» и указан год вступления – 1827. Исследователь этого аспекта жизни А. С. Пушкина С. В. Шумихин в публикации «А. С. Пушкин в Российском Благородном собрании в Москве» устанавливает почти точную дату вступления Пушкина в собрание: «К первым числам февраля этого года (1827. – В. Т.) относится и вступление Пушкина в число постоянных членов Российского Благородного собрания. Дату вступления поэта в собрание можно установить в достаточно узких хронологических рамках: это произошло между 8 февраля 1827 г., когда он присутствовал на маскараде еще в качестве посетителя, и 12 февраля того же года – крайним сроком для получения годовых билетов.

Данное указание на членство А. С. Пушкина в Российском Благородном собрании относится к числу бесспорных, так как здесь ясно указаны имя и отчество Пушкина. До настоящего времени (статья опубликована в 1988 г. – В. Т.) этот факт не находил отражения в биографии поэта...» [8, с. 60].

^{2*} Выборка сделана по источнику 4.

Второй источник – «Книга для членов-кавалеров мужчин на 1831 год» (тоже о членах РБС). На последнем, 7-м листе книги запись: «Всего членов-кавалеров в 1831 году сто тридцать шесть». На 63 строке четвертого листа запись: «Александр Сергеевич Пушкин». А в «Книге для записи дам и девиц-членов собрания на 1830 г.» на правом листе, где по традиции записывались незамужние женщины, есть запись о вступлении в Российское Благородное собрание Натальи Николаевны Гончаровой вместе с двумя своими сестрами. С. В. Шумихин так комментирует эти записи: «В 1830 г. Н. Н. Гончарова вступила в члены Российского Благородного собрания... К декабрю 1830 г. относится и вторичное вступление (выделено нами. – В. Т.) самого А. С. Пушкина в число членов Российского Благородного собрания. Вероятно, это было сделано не без мысли произвести благоприятное впечатление на свою тещу Н. Н. Гончарову, которая очень щепетильно и с большим предубеждением относилась ко всему, что касалось положения ее зятя в обществе. Пушкин вступил в члены Российского Благородного собрания в 1830 г. под № 63, т. е. в числе первых десятков вступающих, в отличие от своего вступления в Российское Благородное собрание в 1827 г., когда оно состоялось за несколько дней до последнего срока приема. Таким образом, молодожены Пушкины с самого начала своей семейной жизни стали членами учреждения, почти обязательная принадлежность к которому составляла одну из отличительных черт московской знати» [8, с. 64, 66].

Членом Московского Английского клуба А. С. Пушкин стал, видимо, 20 марта 1829 года. Об этом можно судить из письма дяди Пушкина, Василия Львовича, поэту П. А. Вяземскому. 21 марта 1829 г. В. Л. Пушкин пишет ему из Москвы: «Александр Пушкин здесь... Вчера он избран в члены пресловутого нашего Аглинского клуба». В письме от 26 марта В. Л. Пушкин сообщает тому же адресату, что «Баратынский также попал в члены Аглинского клуба» [9, л. 161–162 об., 163].

В письмах, дневниках, воспоминаниях родных и друзей, знакомых и просто современников поэта немало интересных фактов из «клубной» биографии поэта. Они свидетельствуют о сложных и противоречивых отношениях А. С. Пушкина с клубом и клубной средой. С одной стороны, велико было благотворное влияние личности поэта на клубную среду, особенно на молодых ее представителей. «Он здесь в кругу шумном и веселом молодежи», – с восторгом сообщал своему брату о встречах с Пушкиным в Московском Английском клубе его петербургский знакомый Н. А. Муханов [10, с. 261]. В своих воспоминаниях Т. П. Пассек тоже отмечала пиетет, с которым встречали Пушкина в Благородном собрании: «Мы были на хорах, внизу многочисленное общество. Вдруг среди него сделалось особого рода движение. В залу вошли два молодых человека, один – высокий блондин, другой – среднего роста брюнет, с черными курчавыми волосами и резко выразительным лицом. Смотрите, сказали нам, блондин – Баратынский, брюнет – Пушкин. Они шли рядом. Им уступали дорогу» [11, с. 221].

Смелые замечания и остроумные реплики А. С. Пушкина в клубных беседах быстро становились известны в обществе. В письме поэта К. М. Языкова своему брату А. М. Языкову (оба – хорошие знакомые А. С. Пушкина) с восхищением пересказывалась острота Пушкина в Московском Английском клубе. Широко известный тогда в России поэт-баснописец И. И. Дмитриев в одной из клубных бесед заметил, что «ничего не может быть страннее самого названия “Московский Английский клуб”». Случившийся тут же Пушкин, смеясь, сказал ему на это, что у нас есть названия более странные. “Какие же?” – спросил Дмитриев. “А императорское человеколюбивое общество?” – отвечал поэт» [12, с. 536].

С другой стороны, праздная, пустословная, амбициозная среда столичных клубов тяготила поэта: «Московский Английский клуб есть место прелюбопытное для наблюдателя, – писал в своих воспоминаниях один из его частых гостей Ф. Ф. Вигель, которого хорошо знал и ценил за талант рассказчика А. С. Пушкин. – Он есть представитель

большей части московского общества, вкратце верное его изображение, его эссенция... Почти все они (члены клуба. – В. Т.) люди достаточные, старые или молодые помещики, живущие в независимости, в беспечности, в бездействии... Член Московского Английского клуба! О, это существо совсем особого рода, не имеющее подобного ни в России, ни в других землях! Главную, отличительной чертой его характера есть уверенность в своем всеведении.

Он с важностью будет рассуждать о предметах вовсе ему чуждых, незнакомых, без опасения выказать свое невежество... Да не подумают, однако же, что в клубе не было ни одного человека с примечательным умом. Напротив, их было довольно, но они посещали его реже и говорили мало» [13, с. 126–127].

К их числу принадлежал и А.С. Пушкин, который изредка посещал Московский Английский клуб в период 1827–1833 годов.

А. Я. Булгаков в письме своему брату К. Я. Булгакову из Москвы 29 марта 1827 года: «Вчера в клубе читал громко Вяземский, а Иван Иванович Дмитриев и Пушкин Александр смеялись, делая критические замечания». А чуть раньше в письме от 17 марта А. Я. Булгаков сообщал брату: «Не знаю, писал ли я тебе о странной ссоре, бывшей в клубе? Некто Щукин подает мнение, чтобы члены имели право не платить за целый ужин, а требовать только одного такого-то и платить за одну только порцию. Против его восстало общество... и теперь два профессора (Давыдов и Каченовский. – В. Т.), бывшие друзья, поссорились за порцию кушанья. Этот вздорный спор вооружает одну часть Английского клуба против другой, как важное какое-нибудь дело, и вчера еще был большой шум, а в субботу станут баллотировать вздор этот, и я тебя этим вздором потчую, не имея ничего лучшего писать». А уже 22 марта А. Я. Булгаков поведал брату о дальнейшем развитии событий: «Спор в клубе кончился, и не в твою пользу: ужин остался по-прежнему, порции одного требовать нельзя, кроме бутерброда, размазни и жаркого». Привели мы эту историю о «порции кушанья» в переписке братьев Булгаковых не случайно. В примечании к этим письмам Петра Ивановича Бартенева, редактора журнала «Русский архив», где они опубликованы [14, с. 25–27], знатока, чуткого ценителя и собирателя пушкинианы, совершенно неожиданно вместо привычного редакторского комментария этого булгаковского письма, стоит... куплет из чернового варианта «Евгения Онегина»:

В палатах Английского клуба
(Народных заседаний проба)
Безмолвно в думу погружен,
О кашах пренья слышит он [15, с. 468].

В таком контексте становятся ясны истоки этого широко известного и часто цитируемого куплета из «Путешествия Онегина» (в современной редакции первая строка печатается «В палате английского клуба...»), не вошедшего в основной текст поэмы «Евгений Онегин».

Мы знаем, что в 1827 году Пушкин еще не был членом Московского Английского клуба, но посещал его как гость. Как видно из писем Булгакова, одно из его посещений (а может быть, и не одно) пришлось как раз на самый разгар этого «вздорного спора». Под впечатлением его, возможно, и появился готовившийся поэтом в то время первоначальный вариант восьмой главы «Онегина».

Многое можно прочесть за строками даже одного этого пушкинского куплета. «“В палате Английского клуба” – ироническая характеристика членов Московского Английского клуба, в котором консервативная дворянская фронда видела нечто вроде английской палаты лордов», – пишет Н. Л. Бродский в комментарии к роману [16, с. 183].

Интересно, что такое же сравнение мы находим в книге Э. Уилсона «Мир Чарльза Диккенса». Говоря о публичных дебатах в английском парламенте, «состоящих наполови-

ну из партийной пропаганды, наполовину из школярского зубоскальства», Уилсон столь же иронично замечает: «Не зря говорят, что Палата Общин – первый клуб Лондона». А. С. Пушкин тоже имеет в виду конкретных лиц, когда пишет:

Безмолвно в думу погружен
О кашах пренья слышит он.

Он – это Евгений Онегин, вернувшийся в «спесивую суету» Москвы после длительного путешествия. Он – это и сам Пушкин. Обстановка клубного безделья и пустословие угнетали его. Когда в июле 1830 года, узнав о революционных событиях во Франции, он «пришел в клуб, чтобы поделиться новостями, то в это время Английский клуб решил, что князь Дмитрий Голицын был неправ, издав ордонанс о запрещении игры в экарте» («ордонанс» в переводе с французского – официальное распоряжение, указ; «экарте» – название картежной игры. – В. Т.). Сообщая о таких актуальных «политических суждениях» членов Английского клуба, Пушкин с возмущением восклицает: «И среди этих-то орангутангов я осужден жить в самое интересное время нашего века!» [17, с. 415].

Как перекликается эта пушкинская характеристика «исправных членов клуба» с грибоедовским сарказмом в адрес Фамусова, который «все Английского клуба старинный, верный член до гроба», Репетилова, который на вопрос Чацкого, чего это они беснуются по ночам в Английском клубе, с наивной гордостью отвечает: «Шумим, братец, шумим»!

В. А. Гиляровский, оценивая среду Английского клуба, писал: «Это был клуб Фамусовых, Скалозубов, Загорецких, Репетиловых, Тугоуховских и Чацких» (подчеркнуто нами. – В. Т.) [17, с. 156].

Обнаружив в извлечениях из «Журналов старшин клуба» запись о том, что предложенный в 1815 г. из кандидатов в члены «г-н Чацкий по баллотированию не избран, вновь перебаллотирован и тоже не избран», В. А. Гиляровский так комментирует этот факт: «Забаллотировали в Английский клуб – это событие: о нем говорила вся барская Москва. Кто такой Чатский – и почему он не избран? Но хочется предположить, что есть что-то общее с “Горе от ума”. По крайней мере, фамилия Чатский – это Чацкий. И является вопрос – за что могли не избрать в члены клуба кандидата, т. е. лицо уже бывшее в клубе около года до баллотирования из кандидатов в члены? Вернее всего, что за неподходящие к тому времени взгляды, которые высказывались г-м Чатским в “говорильне” (кофейная комната в Московском Английском клубе, в которой «либералы того времени читали запрещенные стихи и громили действия правительства и жизнь крепостного права, за дерзкие разговоры в ней звалась также “умной”, а иногда и “чернокнижной” комнатой)» [18, с. 9].

Гиляровский относит ее «чернокнижность» к временам Пушкина и Чаадаева, он заканчивает свои аргументы таким выводом: «Те речи и монологи Чацкого, которые мы читаем в “Горе от ума”, конечно, при свободе слова в “говорильне” могли им произноситься, как кандидатом в члены, но при баллотировании в действительные члены его выбрать уже никак не могли и рады были избавиться от такого “якобинца”. “Фамусовы”, конечно, Чацкого не выберут. Это мои предположения, но я глубоко уверен, что Чатский, забаллотированный в 1815 году, и Чацкий Грибоедова, окончившего пьесу в 1822 году, несомненно, имеют общее. Во всяком случае писатель вспомнил почему-то такую редкую фамилию» [18, с. 9].

Возможно, не оставил это событие без внимания и Николай Михайлович Карамзин. Видный русский писатель и историк в своей «Записке о московских достопамятностях» (1817) заметил о членах Московского Английского клуба: «У них есть какие-то неизменные правила, но все в пользу самодержавия. – Якобинца выгнали бы из Английского клуба. Чатского (или Чацкого ?!) “выгнали?!”» [19, с. 304].

Мы исследовали также клубную лексику в произведениях А. С. Пушкина. Четырехтомный академический словарь языка Пушкина насчитывает 21 197 слов и 544 777 случаев их употреблений. Это, как указывается в словаре, без ссылочных, без текстов, не вошедших в основную часть полного собрания сочинений Пушкина (М.: АН СССР, 1937–1949), без текстов, написанных Пушкиным на иностранных (преимущественно на французском) языках. Есть в языке Пушкина и слово «клуб». Составители словаря под общей редакцией академика В. В. Виноградова нашли в текстах поэта 29 употреблений этого слова и цитируют текстуально все эти 29 случаев [20, с. 397]. Простейший контент-анализ дает нам такую дополнительную информацию.

Слово «клуб» встречается в самых различных по жанру текстах Пушкина: и в романе в стихах «Евгений Онегин» (7-я глава), и в статье «Путешествие из Москвы в Петербург», и в его дневнике, и, конечно, в письмах. Пушкин употребляет два в то время бытовавших на равных варианта этой лексической единицы: «клуб» (7 случаев) и «клуб» (22 случая). За исключением двух случаев, период употребления слова «клуб» 1929–1936 годы. В одном из этих случаев Пушкин в письме А. А. Бестужеву из Михайловского в конце января 1825 года, положительно оценивая «Горе от ума» А. С. Грибоедова, в числе слагаемых поэмы, характеризующих «черты истинно комического гения», называет «рассказ Репетилова о клубе». Другим исключением является 45-я строфа 7-й главы (закончена поэтом в ноябре 1828 г.) «Евгения Онегина»: Татьяна, прибыв в Москву и разъезжая «по родственным обедам», узнает, что в жизни ее родных «не видно перемены, все в них на старый образец», что

...У Пелагеи Николаевны
Все тот же друг мосье Финмуш,
И тот же шпиц, и тот же муж;
А он, все клуба член исправный,
Все так же смирен, так же глух,
И так же ест и пьет за двух [21, с. 191].

Все письма Пушкина, где есть упоминание о клубе (будем в дальнейшем для сокращения называть их «клубными»), имеют дату отправления не раньше чем 1 июня 1831 года. Исключение составляют письмо С. Д. Киселеву от 15 ноября 1829 года, в котором искомое слово появляется лишь на адресе: «Его высочородию Сергею Дмитриевичу Киселеву. В Москве, в Английском клубе», и два письма П. А. Вяземскому. В одном, от 16 марта 1830 года, Пушкин обещает ему «передать свои наблюдения о духе Московского Клуба», а в другом, написанном чуть позднее, уже сообщает первые клубные новости. Все остальные «клубные письма» отправлены в период 1831–1836 годов, и... 14 из них, большинство, адресованы Наталье Николаевне Пушкиной. Изучение «клубных аспектов» этих писем (на большее автор не претендует) говорит о том, что добрых воспоминаний клуб у поэта не оставил. В письме к жене из Москвы 27 августа 1833 года он горько шутит: «В клубе я не был – чуть ли я не исключен, ибо позабыл возобновить свой билет. Надобно будет заплатить 300 рублей штрафа, а я весь Английский клуб готов продать за 200».

И все же добровольное его затворничество в клубе продолжается. И письма его жене, и постоянные, почти однообразные сообщения в них о «клубных досугах» Пушкина – это и конкретные свидетельства такой формы затворничества, и своеобразные символы веры и верности для супругов Пушкиных. Ведь и Санкт-Петербургский, и Московский Английские клубы были мужскими клубами, дамы в них, как правило, не допускались, и все вечера, а то и дни членов клуба проходили в обедах и ужинах, чтениях и читках, разговорах и играх, почти полностью убивавших все свободное время мужчин. Потому-то посещение клуба и пребывание в нем уже в какой-то мере служило

для мужчины гарантом его в известном смысле добропорядочности. Не будем делать никаких далеко идущих выводов или обывательских намеков, вчитываясь в интимные письма поэта. И так наш брат исследователь слишком уж много замечает деревьев в открытом для него пушкинском заповеднике. Но ведь красноречивы сами по себе эти то ли отчеты, то ли признания поэта:

Н. Н. Пушкиной. 10 декабря 1831 г., Москва: «Что скажу тебе о Москве? Москва еще пляшет, но я на балах еще не был. Вчера обедал в Английском клубе...» [22, с. 246].

Н. Н. Пушкиной. Около 5 мая 1834 г., Петербург: «Что тебе сказать о себе: жизнь моя очень однообразна. Обедаю у Дюме часа в 2, чтоб не встретиться с холостой шайкою. Вечером бываю в клубе» (Дюме – содержатель ресторации в Петербурге, у которого неоднократно обедал А.С. Пушкин. – В. Т.) [23, с.143].

Н. Н. Пушкиной. Около (не позднее) 29 мая 1834 г., Петербург: «Ты спрашиваешь, что я делаю. Ничего путного, мой ангел... В свете не бываю; от фрака отвык; в клубе провожу вечера» [23, с. 153].

Н. Н. Пушкиной. 3 июня 1834 г., Петербург: «Я большей частью дома и в клубе. Веду себя порядочно...» [23, с. 155].

Н. Н. Пушкиной. 8 июня 1834 г., Петербург: «Обедаю у Дюме. Вечером в клубе. Вот и весь мой день» [23, с. 157].

Н. Н. Пушкиной. Около (не позднее) 27 июня 1834 г., Петербург: «... Я привык опять к Дюме и к Английскому клубу; а этим нечего хвастаться» [23, с. 166].

Н. Н. Пушкиной. 11 июля 1834 г., Петербург: «Надо тебе знать, что с твоего отъезда, я, кроме как в клубе, нигде не бываю...» [23, с. 178].

Возможно, действительно в те годы мужчины имели право сказать: «Мой клуб – моя крепость»?!

Клубы Пушкина в долгу перед ним. Благодаря Пушкину и непреходящему интересу ко всему, что связано с ним, исследуются и материалы первых клубов России, открываются новые страницы истории отечественного клуба.

В нашем исследовании клубной пушкинианы была еще одна важная цель.

Несколько лет назад, изучая публикации о Пушкине в старинных русских журналах и газетах, мы нашли удивительную заметку анонимного автора в газете «Новое время» № 13770 за 14 июля 1914 года. Воспроизводим только начальную, но самую интригующую часть заметки: «Английский клуб. Москва. При работе в московских архивах удалось отыскать редкий документ начала прошлого столетия – подлинный рукописный устав 1802 года знаменитого английского клуба (выделено нами. – В. Т.), название которого упоминается в бессмертных произведениях Грибоедова («Горе от ума») и Пушкина («Евгений Онегин»). Устав покрыт подписями всех членов, входивших в состав английского клуба с 1802 по 1857 г. Тут – весь цвет старой аристократической Москвы и громкие имена литераторов, ученых, художников, артистов, политических и государственных деятелей. Между прочим, имеются подписи Пушкина (выделено нами. – В. Т.), его отца, историка Карамзина, поэта Мерзлякова, Александра и Николая Тургеневых, И. С. Тургенева, писателя Загоскина, историка Погодина, артиста Щепкина, декабристов Муравьева-Апостола, кн. Сергея Волконского, а также подпись гр. Л. Н. Толстого, сделанная в 50-х годах» [24, с. 4–5].

Существует ли и где находится отдельный фонд Московского Английского клуба, нам пока неизвестно. За время работы в Центральном государственном историческом архиве Москвы, в Центральном государственном архиве литературы и искусства довелось увидеть множество различных вариантов (рукописных, машинописных, печатных) «Устава Московского Английского клуба», «Обряда Московского Английского клуба», «Учреждения Санкт-Петербургского Английского собрания», но того, который более всего нас интересовал, не находилось. Наконец узнаю, что в фондах Музея А. С. Пушкина

имеется «Обряд или Устав Московского Английского клуба», где есть подписи членов клуба, но подписи Пушкина в нем нет. На это же указывает в своей книге «Пушкинские места Москвы и Подмосковья» Н. М. Волович: «Среди полутора тысяч подписей членов клуба за период с 1802 по 1858 год можно найти автографы многих близких Пушкину людей – отца и дяди поэта, Н. М. Карамзина, П. А. Вяземского, декабристов С. Г. Волконского и М. С. Лунина, братьев Н. И. и А. И. Тургеневых, М. П. Погодина, П. В. Нащокина, М. С. Щепкина, С. А. Соболевского, С. Д. Полторацкого, М. Н. Загоскина, А. Н. Гончарова и других» [25, с. 205].

Но перечень членов клуба, расписавшихся под Уставом, в заметке неизвестного автора от 14 июля года 1914 г. и в книге Н. М. Волович почти полностью совпадают. Как будто бы именно на этот список указывают еще два источника. Это «Устав Московского Английского клуба», отпечатанный в типографии Бахметьева в 1859 году, и книга В. А. Гиляровского «От Английского клуба – к Музею Революции», изданная в Москве в 1926 г. В предисловии к новой редакции Устава, которая была утверждена баллотированием 14 марта 1859 года и напечатана для раздачи членам Московского Английского клуба, говорилось, что до сих пор «все члены подписывались под первоначальным Уставом при вступлении своем в общество, из чего составила любопытная коллекция автографов, так как известнейшие государственные люди, ученые, литераторы и прочие были членами клуба» [26, с. 4]. Та же мысль почти полностью повторяется у В. А. Гиляровского: «При вступлении в члены клуба требовалось собственноручное заявление, и вскоре составила интересная коллекция автографов, так как известнейшие государственные люди, ученые и писатели того времени состояли членами». [18, с. 21].

Но чуть дальше в тексте В. А. Гиляровский утверждает, что во время пожара 1812 года «все имущество, в том числе драгоценная коллекция автографов, сгорело». Так как же все-таки «коллекция»? Сохранилась она или уничтожена? Вместе с работниками Музея А. С. Пушкина просматриваю «Устав клуба...» с подписями его членов. Устав в кожаном переплете с золотым тиснением, довольно большого формата 264x412 мм, объем книги 51 лист. На титульном листе заголовок «Обряд или Устав Английского клуба в Москве». На четвертом листе с орфографией начала XIX века – название Устава: «Обряд Московского Английского Клуба» и его изложение. Приведем здесь только первый и последний параграфы первоначального текста Устава: «1-е. Число членов, составляющих сие общество, ограничивается четырьмястами мужеских персон, сверх которого числа никогда и ни под каким видом да не примется, а есть ли новый член, и может быть принят, но на открывшуюся вакансию или выбылое место... 32-е. В заключение сего вышеписанного, мы, нижеподписавшиеся, сочлены Английского Московского Клуба выбранным нами в старшины и впредь выбираемым даем полную волю и доверенность нанимать удобный дом для собрания на выгоднейших кондициях, каковые ими признаны будут, во исполнение всего вышеописанного своеручно подписуемся».

И далее, начиная с оборотной страницы седьмого листа, на 23 плотных крупноформатных листах подряд с обеих сторон листов идут размашистые подписи членов клуба. В среднем на каждой из 46 страниц по 35 подписей и еще 24 подписи – на седьмом листе. Итого примерно 1 635 подписей [27, л. 1–30].

Самый первый автограф сразу под заключительной строкой 32-го параграфа принадлежит главнокомандующему Москвы, фельдмаршалу графу И. П. Салтыкову, подписавшему Устав в порядке его утверждения. Затем идут подписи первых старшин клуба Николая Ивановича Баранова, Юрия Александровича Нелединского-Милецкого, Василия Ивановича Нелидова, Николая Федоровича Муравьева, князя Дмитрия Евсеевича Цицианова. Доподлинно установить авторство других росписей помогает нам специалист Н. С. Нечаева – главный хранитель музея. Вглядываясь в росписи, она называет известные многим имена: Василий Пушкин, Михаил Лунин, Сергей Пушкин, Николай Языков,

Николай Карамзин, Иван Дмитриев, князь Петр Вяземский, Михаил Загоскин, Михаил Погодин, Михаил Лонгинов, Сергей Соболевский, Михайло Щепкин. Преобладает династичность в этом престижном клубном членстве: Голицыны, Гагарины, Волконские, Одоевские, Трубецкие, Хрущовы, Шаховские, Оболенские, Тургеневы, Римские-Корсаковы, Раевские, Бярятинские, Щербатовы, Салтыковы, Сухотины, Жихаревы, Воейковы, Хвостовы, Боборыкины... Перечень этот можно продолжать и продолжать. Каждая фамилия рождает ассоциации из истории нашей политической, культурной жизни. Работники музея узнают и много других известных им в пушкиниане имен. Но эмоции приходится сдерживать. Мы понимаем, что наше узнавание относительно. Чтобы идентифицировать владельца автографа с конкретной исторической личностью, нужна кропотливая работа. А по отношению к А. С. Пушкину нужно в еще большей мере избегать суетности, торопливости, поспешности. Сколько уже было сделано ошибок в погоне за сенсационностью, выдаваемой за любовь! Как часто нетерпеливым исследователям в случайных предметах виделась тень Пушкина!

Идентифицировать автограф А. С. Пушкина очень сложно. Такая же проблема была и с установлением авторства автографа А. С. Пушкина в записях алфавитной Книги членов Российского Благородного собрания. С. В. Шумихин так излагает суть этой проблемы: «Около 30 раз в делах Российского Благородного собрания встречается фамилия “Пушкин”. Основная трудность заключается в точной идентификации фамилии “Пушкин” с личностью А. С. Пушкина, поскольку в один и тот же отрезок времени в Москве находилось иногда несколько Пушкиных – однофамильцев и родственников поэта, и все они могли посещать балы в Благородном Собрании»

В Уставе Московского Английского клуба фиксировались только автографы членов клуба, оставленные ими самими. И тем не менее дать окончательное заключение о том, что автограф «А. Пушкин» на обороте 27-го листа Устава принадлежит именно Александру Сергеевичу Пушкину, работники музея не решаются. Нужен квалифицированный почерковедческий анализ, нужно заключение экспертов из Пушкинского Дома. А его на основе небольшой росписи в книге обычно не дают. Тем более в Уставе помимо автографа А. С. Пушкина не установлены также автографы Л. Н. Толстого, П. Я. Чаадаева. Нет в этом альбоме и росписи Евгения Баратынского, который, как мы уже указывали, вступил в Московский Английский клуб одновременно с А. С. Пушкиным. Видимо, считают в музее, у них находится не полный объем Устава.

В нашей публикации «Три клуба Пушкина» более обстоятельно изложена авторская исследовательская работа по установлению клубного автографа А. С. Пушкина [6, с. 47–49]. Однако мы полагаем, не это главное в нашем исследовании. Изучение клубной пушкинианы имеет другие ценности. Будучи клубами дворянской знати, храмами праздности столичной аристократии, и Московский, и Санкт-Петербургский клубы, и Российское Благородное собрание в Москве вошли в историю и остались духовно значимыми для нас прежде всего тем, что в них проводили свой досуг передовые деятели русской культуры, что в них бывал и А. С. Пушкин. Эффект их влияния на клубную среду несоизмерим с другими факторами клубной коммуникации. И содержание, и характер клубного общения обретали новые ценностные ориентации. **«Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург. И это уже к литературе прямого отношения не имеет. Это что-то совсем другое. В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны оттуда навсегда. Про их великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин – или: здесь не бывал Пушкин. Все остальное никому не интересно... рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово “Пушкин”»,** – писала Анна Ахматова в «Слове о Пушкине» [28, с. 8]. А. С. Пушкин бывал в клубах Москвы и Санкт-Петербурга, являлся членом этих клубов. Магия Пушкина освятила и российские клубы.

Литература

1. Лихачев Д. С. Заметки о русском. – М.: Сов. Россия, 1984. – 64 с.
2. Лихачев Д. С. Пушкин // Раздумья о России. – СПб.: Logos, 1999. – 672 с.
3. Арнольдов А. И. Социальная педагогика: восхождение к новому гуманизму // Актуальные проблемы социально-культурной деятельности: сб. ст. / МГУК. – М., 1995. – С. 15–25.
4. Столетие Санкт-Петербургского Английского собрания. 1770–1870. – СПб., 1870. – 136 с.
5. Туев В. В. Пушкинская строка в клубной летописи // Клуб и художественная самодеятельность. – 1984. – № 11. – С. 27–29.
6. Туев В. В. Три клуба Пушкина // КИП. – 1987. – № 6. – С. 37–38; № 7. – С. 37–38; № 8. – С. 47–49.
7. Книга алфавитная для записи членов Российского Благородного Собрания мужчин, за 1814–1827 гг. // ЦГИАМ. – Ф. 381. – Оп. 1. – Ед. хр. 10.
8. Шумихин С. В. А. С. Пушкин в Российском Благородном собрании в Москве // Временник Пушкинской комиссии: сб. науч. тр. – Л.: Наука, 1988. – С. 52–68.
9. Пушкин В. Л. Письма П. А. Вяземскому // ЦГАЛИ. – Фонд Вяземских. – Ф. 195. – Оп. 1. – 1. – Ед. хр. 2611.
10. Черейский Л. А. Пушкин и его окружение. – Л., 1975. – 261 с.
11. Пассек Т. П. Из дальних лет. Воспоминания. – СПб., 1878. – Т. 1. – С. 221.
12. Садовников Д. Н. Отзывы современников о Пушкине // Исторический вестник. – 1883. – Т. 11. – № 12. – С. 536.
13. Вигель Ф. Ф. Воспоминания. – М., 1865. – Ч. 1. – С. 126–127.
14. Бартенев П. И. К истории Московского Английского клуба // Русский Архив. – 1880. – Кн. 2. – № 5. – С. 85.
15. Пушкин А. С. Черновой вариант «Путешествия Онегина» в романе «Евгений Онегин» // Полн. собр. соч.: в 10 т. – М.: Наука, 1978. – Т. 5. – С. 466–468.
16. Бродский Н. Л. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». – М.: Мир, 1932. – С. 183.
17. Гиляровский В. А. Москва и москвичи. – М.: Московский рабочий, 1983. – 464 с.
18. Гиляровский В. А. От Английского клуба – к Музею революции. – М., 1926. – 54 с.
19. Карамзин Н. М. Записки о московских достопамятностях // Сочинения Н. М. Карамзина. – 3-е изд. – М., 1820. – Т. IX. – С. 280–304.
20. Словарь языка А. С. Пушкина: в 4 т. / под общ. ред. акад. В. Виноградова. – М.: Изд-во ГИС, 1957. – Т. 2. – 896 с.
21. Пушкин А. С. Евгений Онегин // Собр. соч.: в 8 т. – М.: Худож. лит., 1969. – Т. 5. – 318 с.
22. Пушкин А. С. Переписка. 1828–1831 // Полн. собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1941. – Т. XIV. – 547 с.
23. Пушкин А. С. Переписка. 1832–1834 // Полн. собр. соч. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 391 с.
24. Английский клуб // Новое время. – 1914. – 14 июля. – № 13770. – С. 4–5.
25. Волович Н. М. Пушкинские места Москвы и Подмосковья. – М.: Московский рабочий, 1979. – 231 с.
26. Устав Московского Английского клуба. – М., 1859. – 114 с.
27. Обряд Московского Английского клуба с подписями членов клуба // Гос. музей А. С. Пушкина. – Рукоп. фонд № 4. – Оп. 3. – Инв. № 215. – Л. 1–30.
28. Ахматова А. А. Слово о Пушкина: статьи и заметки. – М.: Книга, 1989. – С. 7–9.